

Весь салон автомобиля был пропитан дурманящей, двусмысленной атмосферой, заставлявшей терять голову. Из глубины глаз императора проступило неясное чувство — тонкие, призрачные нити, которые, словно паутина, окутали Чу Яня.

Тот, не подозревая подвоха, подался навстречу своему правителю, чей взгляд был подобен взору алчущего зверя.

— Вытирайте. Мы скоро будем в больнице.

Когда это утонченное, благородное и бледное лицо оказалось совсем рядом, Цзян Вэньчжоу на мгновение утратил самообладание. Чу Янь был чистым и холодным Альфой; какой бы красотой он ни обладал, его окутывала аура ледяной гордости. Цзян Вэньчжоу видел его на поле боя и прекрасно знал, насколько тверд этот человек. Ему хотелось покорить этого холодного, решительного красавца-Альфу, растопить его, словно лед.

Цзян Вэньчжоу повидал немало прекрасных лиц. Только в Императорский дворец ему присылали бесчисленное количество омег. Но ни к кому из них он не испытывал столь сильного, неукротимого влечения. Это чувство было таким мощным, что он едва не потерял лицо в присутствии Чу Яня.

Цзян Вэньчжоу всегда знал, что Чу Янь красив, но не ожидал, что вблизи его внешность произведет столь ошеломляющий эффект. Изящные, тонкие черты лица, изгиб приподнятых к вискам глаз — во время боя в них читалась свирепая решимость Альфы, но в обычной обстановке в них сквозило очарование, мягкость, переплетающаяся с нежностью взгляда. Это был Альфа с невероятным шармом.

Глаза его были чудо как хороши: стоило ему посмотреть на того, кто ему дорог, как эти «фениксовы очи» наполнялись глубоким, бесконечным обожанием. Длинные густые ресницы, полуприкрывающие взгляд, придавали его лицу беззащитное, вызывающее трепет выражение. Каждая черта дышала юношеской свежестью и статью: вздернутый кончик носа, точеная линия подбородка, тонкие, как лепестки цветов, губы.

До того как получить ранение, он был энергичным, цветущим молодым Альфой, от самой сути которого исходил манящий аромат жизни. Теперь же в его облике и глубине глаз поселилась едва уловимая надломленность. Он не выставлял её напоказ, но именно эта сдерживаемая боль делала его еще более притягательным.

Холодный, сильный, первый ученик академии, идеальный ледяной Альфа — и вдруг на его душе и теле появились трещины. Даже у самого черствого Энигмы сердце дрогнуло бы при виде такого ущерба на столь редком сокровище.

Но больше всего Цзян Вэньчжоу сводил с ума шрам под скулой Чу Яня. Это был шрам, оставленный ради него, и пусть в тот момент в душе Чу Яня не было любви, в этом знаке таилось нечто более тяжелое и глубокое, чем просто чувства. Хотя кожа была рваной, края её разошлись, и запекшаяся кровь превратилась в пугающую линию, Цзян Вэньчжоу казался этот

шрам невероятно красивым.

Алая полоса на белоснежной коже — этот контраст цветов и пугающая, захватывающая дух эстетика взорвались в сознании императора. Словно трещинка на изысканном фарфоре, подумал Цзян Вэньчжоу, — этот шрам расцвел на его подбородке, подобно яркой кроваво-алой розе. Сложный и тонкий узор рубцов, словно многослойные лепестки розы, изящно и причудливо покоился на его лице, делая его похожим на ночного демона, околдовывающего людские сердца.

Цзян Вэньчжоу не лгал — он искренне считал этот шрам прекрасным.

Расстояние между ними стало пугающе малым и опасным. Стоило Цзян Вэньчжоу чуть податься вперед, и он коснулся бы губ Чу Яня. Он медленно вытирал грязь с его лица, его взгляд, подобный пожару, прошелся по каждой черте. Он словно целовал глазами каждое движение лица своего спутника. Чу Янь, встретившись с ним взглядом, не выдержал этого напора — взгляд Цзян Вэньчжоу был густым, как расплавленный сургуч, готовый липнуть к лицу.

Чу Янь отвел глаза, пытаясь избавиться от охватившего его смятения, но это было невозможно. Взгляд Цзян Вэньчжоу был слишком агрессивным. Даже не глядя на него, Чу Янь чувствовал, как император буквально обжигает его своим взором. Чу Янь даже вспотел. Наконец, не выдержав, он набрался смелости и спросил:

— Мое лицо такое грязное? Почему вы так на меня смотрите?

Цзян Вэньчжоу умел носить маски. В таком взгляде постороннему было трудно разобрать, ненавидит ли император собеседника, хочет ли с ним подраться или же желает обладать им. Чу Янь, разумеется, даже не подумал о последнем, решив, что император просто сердится.

— Тут немного грязи. Прости, я тебя напугал?

Цзян Вэньчжоу мгновенно надел маску мягкости и учтивости, улыбнувшись Чу Яню своим низким, бархатным голосом. Легкая, открытая улыбка стерла бурлящую в глазах похоть.

— Все говорят, что когда я сосредоточен на деле, мое лицо становится пугающим. Похоже, все высшие Энигмы такие. Из-за слишком сильной ментальной энергии я порой не могу контролировать выражение лица. А-Янь, не принимай на свой счет. Я не злюсь на тебя. Просто я сам по себе человек довольно суровый.

— Вот оно что, я понял. Нет, что вы, вы очень добры. Вы намного лучше, чем те аристократы из Военной академии Шэн Сюэлай.

Закончив говорить, Цзян Вэньчжоу успел прикоснуться к каждой черте лица Чу Яня. В глубине

души он чувствовал скрытое удовлетворение, по-хозяйски поправляя волосы на лбу юноши. Несмотря на всю свою гордость Альфы, волосы у Чу Яня были мягкими.

— Всё, закончили. А-Янь, выходим.

Машина плавно остановилась на парковке у больницы. Янь Ань и остальные вышли первыми и открыли дверь для Цзян Вэньчжоу. Император вышел из машины и, как и прежде, крепко взял Чу Яня за руку. Две шеренги вооруженных охранников выстроились от места парковки до входа, создавая живой коридор. Чу Янь, никогда не видевший подобного, невольно еще крепче сжал руку Цзян Вэньчжоу.

— Ваше Величество, из Императорского дворца пришли срочные сообщения. Как поступим: вернемся для обработки или займемся ими прямо здесь?

Чу Янь услышал вопрос:

— Если у вас срочные дела, возвращайтесь. Мы уже в больнице, я и сам справлюсь. Я Альфа, а не омега, мне не нужно, чтобы вы следовали за мной по пятам.

Раньше Чу Янь всегда был самостоятельным — лучший курсант-Альфа Военной академии Шэн Сюэлай не был таким изнеженным.

— Все в порядке, — ответил ему Цзян Вэньчжоу и добавил, обращаясь к Янь Аню: — Передай секретарскому отделу, чтобы готовились. Я буду работать прямо в больнице.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

— Я побуду с тобой. Видя, что рядом император, врачи отнесутся к твоему обследованию и лечению внимательнее. Да и мне будет спокойнее, — прошептал Цзян Вэньчжоу, когда они вошли в больницу. — Так что отныне я буду с тобой на каждом приеме, пока ты не поправишься.

Сердце Чу Яня слегка дрогнуло.

— Разве это не мешает вашей работе?

<http://bllate.org/book/22365/2345224>